

1799

1949

ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК
ПРОФЕССОР
М. В. НЕЧКИНА

Пушкин и декабристы

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ
ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

1949 г.

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

Доктор исторических наук,
профессор
М. В. НЕЧКИНА

ПУШКИН и ДЕКАБРИСТЫ

Стенограмма публичной лекции,
прочитанной в Центральном
лектории Общества в Москве

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

МОСКВА

1949 г.

Редактор Редакционно-издательского отдела Общества —
А. Л. ЧИСТЯКОВА.

А — 5892.

Тираж — 150 000 экз.

Заказ № 1408.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

А. С. Пушкин был теснейшим образом связан с историей революционного движения своего времени. Горячо и беззаветно, всем существом своим любивший Россию, Пушкин был певцом первых русских революционеров — декабристов, которые были для него «друзьями, братьями, товарищами». Едва ли во всей дореволюционной литературе найдётся имя хотя бы одного гениального поэта, который был бы более органично и неразрывно связан с историей революционно-освободительного движения в своей стране, чем Пушкин.

В этом проявилась замечательная особенность передовой русской культуры, которая всегда находилась в самой тесной связи с революционным движением своей Родины.

Изучение отношений Пушкина к декабристам давно занимало исследователей. Этот вопрос более всего интересовал литературоведов, историки же занимались им значительно меньше.

Не владея материалом по истории декабристов, литературоведы, как правило, трактовали вопрос двояко: во-первых, в плане узко личных отношений Пушкина с «заговорщиками»; во-вторых, в плане непосредственно «декабристских» тем в творчестве Пушкина и того впечатления, которое произвела на него казнь декабристов (зарисовки виселицы с пятью трупами, профили декабристов на полях рукописей, X глава «Онегина», «Послание в Сибирь», «Арион»). Значительно менее привлекала внимание исследователей другая сторона вопроса — отношение декабристов к Пушкину. В силу этого в тематике исследования совсем исчезал или уходил на последнее место вопрос об идейной близости Пушкина и декабристов. Отсутствовал также момент историзма в анализе взаимоотношений декабристов и Пушкина: декабристы рассматривались как явление застывшее, лишённое внутреннего роста, и отношение к ним Пушкина также трактовалось стабильно, вне процессов развития и идейного роста поэта.

Задача настоящей лекции — характеристика идейной связи декабристов и Пушкина и рассмотрение этой связи в процессе её развития, согласно основным этапам истории тайного общества. В силу этого будут последовательно рассмотрены: идейная связь Пушкина с «Союзом спасения» (1816—1819), с «Союзом благоденствия» (1818—1821), с Южным и Северным обществами декабристов (1821—1825), причём этот последний период подразделяется

на два: годы близости Пушкина с Южным обществом декабристов (1821—1824) и идейная эволюция Пушкина и связи с Северным обществом в период 1824—1825 гг., когда Пушкин жил в михайловской ссылке. Вслед за этим необходимо рассмотреть вопрос о Пушкине, поднявшийся во время следствия по делу декабристов (идейная связь Пушкина с участниками заговора и восстания была следствием установлена). Наконец — вопрос об отношениях Пушкина к декабристам в первые годы после восстания (1825—1827). Окончание темы на этом периоде, конечно, можно считать условным. Тема «Пушкин и декабристы» имеет основание быть продолженной до конца жизни поэта. Но материал по перечисленным вопросам столь велик, что не представляется возможным исчерпать его в одной лекции.

Вопрос о революционности Пушкина, как правило, ставился в литературе «вообще». Исследователь оперировал внеисторическим понятием «революционер», заполнял его произвольным содержанием и, прилагая к Пушкину, пытался ответить на вопрос, является или не является поэт «настоящим революционером». «Нужно ли доказывать, что настоящим революционером Пушкин никогда не был?» — пишет В. В. Вересаев в статье «В защиту Пушкина». Обрисовав идейное развитие Пушкина, он заключает: «Таков идеологический путь Пушкина, очень далекий от пути подлинного революционера». Этот подход к вопросу, лишённый историзма, встречается, к сожалению, очень часто. Он-то и мешает правильно разрешить вопрос. Основная причина такого печального состояния вопроса о Пушкине и декабристах в литературе предмета состоит в том, что историки и литературоведы не усвоили ленинского понимания декабристского движения и его исторического значения.

Анализ революционности декабристов у Ленина проникнут глубоким историзмом. Именно в историческом движении, в процессе исторического развития воспринимаются Лениным декабристы. Весь анализ их движения строится в перспективе последующей революционной борьбы. Анализ движения декабристов, данный Лениным, отличается подлинной диалектичностью. Ленин выявляет и классовую ограниченность движения и его революционную сущность. Он характеризует революционность декабристов как революционность дворянскую. В этой формуле даны и классовая характеристика движения и его революционная оценка.

В своей статье «Памяти Герцена» Ленин писал: «Чествуя Герцена, мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию.

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной Воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом.

«Молодые штурманы будущей бури» — звал их Герцен. Но это не была еще сама буря.

Буря, это — движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой, революционной борьбе миллионы крестьян. Первый натиск бури был в 1905 году. Следующий начинает расти на наших глазах»¹.

Те же мысли развивал Ленин и в статье «Из прошлого рабочей печати в России». Ленин неоднократно подчёркивал, что дворянской революционности свойственна боязнь самостоятельного массового движения. Он отмечал огромнейшую разницу между «глубоко демократической, пролетарской и крестьянской революционностью солдат и матросов в России двадцатого века», с одной стороны, и «дворянской революционностью» декабристов.

Дворянские революционеры-декабристы впервые подняли знамя открытой, политически осознанной борьбы с крепостным правом и его политическим стражем — самодержавием. Отсюда высокая оценка революционного значения выступления декабристов. «В 1825 году Россия в п е р в ы е (подчёркнуто мною.— М. Н.) видела революционное движение против царизма...»², — говорил Ленин в 1917 г., в день памяти 9 января 1905 г., на собрании рабочей молодёжи в Цюрихе (доклад о революции 1905 года).

Движение декабристов как революционное движение объективно связано с подъёмом, с усилением массового движения в ту всемирноисторическую эпоху, которая была открыта в мировой истории французской буржуазной революцией конца XVIII века. Без этой подпочвы подъёма массового движения нельзя понять и самого движения декабристов. Это отчётливо сознавалось и ими самими. Пестель показывал на следствии: «Мне казалось, что главное стремление нынешнего века состоит в борьбе между массами народными и аристокрациями всякого рода как на богатстве, так и на правах наследственных основанными». Отчётливо сознавал Пестель и всеобщность этого подъёма, характерность его не только для одной какой-нибудь страны. Этот массовый революционный подъём декабристы понимали как отличительную черту эпохи, действиями которой они являлись. «Имеет каждый век свою отличительную черту. Нынешний ознаменовывается революционными мыслями. От одного конца Европы до другого видно везде одно и то же, от Португалии до России, не исключая ни единого государства, даже Англии и Турции, этих двух противоположностей. То же самое зрелище представляет и Америка. Дух преобразования заставляет, так сказать, везде умы клокотать», — показывает Пестель. Как и все декабристы, Пестель боялся самостоятельного массового движения, боялся «ужасных происшествий, бывших во Франции во время революции». Но это обстоятельство, как уже выяснено выше, — характерная черта дворянской революционности.

¹ В. И. Ленин Соч., т. XV, стр. 468—469. Изд. 3-е.

² В. И. Ленин. Соч., т. XIX, стр. 348.

Борьба с крепостничеством и самодержавием, которую проводили декабристы, на долгие годы осталась задачей революционного движения. Это лишь подчёркивает значение выступления первых революционеров-декабристов. Ленин считал, что мы должны гордиться декабристами: «Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы ее трудящиеся массы (т.-е. $\frac{9}{10}$ ее населения) подняты до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам больше всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великоруссов, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов...»¹.

Игнорирование ленинской концепции революционного движения декабристов привело ряд историков «школы Покровского» к огульному отрицанию революционного значения декабристов.

Анализируя политические взгляды Пушкина, мы должны пользоваться методологическим ключом, данным Лениным для анализа революционности эпохи, к которой принадлежал и Пушкин. Никакие иные способы не приведут нас к цели. Понятие революционности должно включать в себя определённое историческое содержание и не может быть трактовано абстрактно, вне исторических рамок.

* * *

Наиболее ранняя тайная организация декабристов — «Союз спасения» — была основана в 1816 г. и просуществовала до 1818 года. Среди членов «Союза спасения» мы видим друзей Пушкина; на первом месте тут надо поставить первого и «бесценного» его друга — И. И. Пущина. Пущин был принят в «Союз спасения» в 1817 г., т. е. в год лицейского выпуска. Декабристские идеи носились в воздухе. К их восприятию и Пушкина и его товарища прекрасно подготовила вольнодумская лицейская атмосфера. Не мог не повлиять на политическое настроение юного Пушкина и тот кружок, который обусловил радикальные настроения его друга Пущина. «Еще в лицейском мундире, — пишет Пущин, — я был частым гостем артели, которую тогда составляли Муравьевы Александр и Михаил, Бурцов, Павел Калошин и Семенов. С Калошиным я был в родстве. Постоянные наши беседы о предметах общественных, о зле существующего у нас порядка вещей и о возможности изменения желаемого многими втайне, необыкновенно сблизили меня с этим мыслящим кружком: я сдружился с ним, почти жил в нем». Среди перечисленных лиц есть и члены «Союза спасения» и будущие члены «Союза благоденствия». Пущин вступил в «Союз спасения» летом 1817 г., когда Пушкин отдыхал

¹ В. И. Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 81.

в Михайловском (он уехал туда 8—10 июля и вернулся обратно в Петербург в конце августа).

Таким образом, Пушкин ещё на лицейской скамье, через своих лицейских друзей, в том числе лучшего и любимейшего друга И. Пушина, несомненно, находился в сфере воздействия ранней, преддекабристской организации. Следовательно, на молодого Пушкина, бесспорно, влияло и русское общественное движение, влияло прямым образом, через лучших друзей-лицеистов. И. Пущин, Дельвиг, В. Кюхельбекер и Вольховский были посетителями указанного выше кружка, называвшего себя «Священной артелью». Эта организация подготовила друга Пушкина Ивана Пушина ко вступлению в первое общество декабристов — «Союз спасения».

Горе-критики, пылавшиеся искать истоки пушкинского вольнолюбия в чтении французских публицистов эпохи Реставрации, создали ложную концепцию и закрывали глаза на действительность: вольнолюбие Пушкина глубоко и органично связано с русской жизнью. Оно родилось в результате глубоких и тревожных раздумий молодого поэта над положением любимой родины и живой идейной связи с русским общественным движением.

Вообще связи юноши Пушкина с кругом будущих декабристов шире, чем принято думать. Так, в книге лицейских посетителей записано, что 22 ноября 1814 г. лицей посетил «прапорщик Муравьёв», — это, очевидно, будущий декабрист Никита Муравьёв, так как никто, кроме него, из известных нам Муравьёвых не имел тогда чина прапорщика. В той же книге лицейских посетителей неоднократно упоминается фамилия Пестеля: так, 17 мая 1814 г. лицей посетил «действительный статский советник Пестель с фамилиею», имеются и другие записи такого рода.

Важно отметить и близость Пушкина с братьями Тургеневыми, из которых будущий член «Союза благоденствия» и в дальнейшем один из крупнейших идеологов Северного общества, Николай Тургенев, имел в то время на Пушкина большое влияние. Тургеневы знали Пушкина ещё ребёнком. После окончания Пушкиным лицея С. И. Тургенев в 1817 г. уже рассматривал Пушкина как будущего политического писателя, выразителя свободолюбивых идей передового общественного слоя. «Мне опять пишут о Пушкине, как о развертывающемся таланте, — записывает в дневник С. И. Тургенев 1 декабря (нового стиля) 1817 года. — Ах, да поспешат ему вдохнуть либеральность, и вместо оплакивания самого себя пусть первая песнь его будет: Свободе».

Во второй половине 1817 г. Пушкиным написана ода «Вольность». Политические лозунги этой оды общи с основными политическими лозунгами «Союза спасения». Это лозунги ограничения самодержавия, произвола, «тиранства» законами, стоящими выше политических властителей. Борьба за конституционную монархию была основным политическим лозунгом «Союза спасения» при всей внутренней борьбе, развёртывающейся в этой первой декабристской организации. «Настоящая цель первого общества была

введение монархического конституционного правления», — показывает П. И. Пестель. Об этом же свидетельствуют С. Муравьев-Апостол, Якушкин и ряд других членов «Союза спасения». «Вольность» Пушкина связана с одноимённой одой Радищева, несомненно, повлиявшей на него. Пушкинская «Вольность» и написана была, согласно воспоминаниям Ф. Вигеля, в квартире братьев Тургеневых. Конечно, «Вольность» в своём художественном и политическом значении намного переросла исторические источники своего вдохновения. Декабристы давно ушли в прошлое, а «Вольность» Пушкина всё ещё продолжала вдохновлять на революционную борьбу. «Вольность» Пушкина глубоко взволновала юношу Некрасова, была воспринята им «как выстрел в густом, непроглядном тумане». К. Чуковский найдены строки Некрасова, упоминающие об этой оде:

Хотите знать, что я читал? Есть ода
У Пушкина. Название ей «Свобода».
Я рылся раз в заброшенном шкафу...

Некрасов — деятель уже иного этапа революционного движения в России, этапа разночинной, буржуазно-демократической революционности. Революционность Пушкина осталась живой и зовущей к борьбе для последующих революционных поколений. Этой особенностью отмечены вообще все вольнолюбивые стихи Пушкина, пережившие и переросшие декабризм. Но тем интереснее для нас исторические корни этих произведений.

«Из людей, которые были его старше, Пушкин все чаще посещал братьев Тургеневых, — пишет Ф. Вигель. — Они жили на Фонтанке, против Михайловского замка, что ныне Инженерный, и к ним, т.-е. к меньшему Николаю, собирались нередко высококультурные молодые вольнодумцы. Кто-то из них, смотря в открытое окно на пустой тогда, забвенью брошенный дворец, шутя предложил Пушкину написать на него стихи... Пушкин вскочил на большой и длинный стол, стоящий перед окном, растянулся на нем, схватил перо и бумагу и со смехом принялся писать...» Так появилась на свет ода «Вольность». Эту цитату Вигеля очень широко используют пушкинисты в своих комментариях. Она, разумеется, любопытна. Но Вигель очень поверхностно и легкомысленно трактует такое важное событие, как написание оды «Вольность». Из изложенного выше ясно, что это произведение Пушкина было следствием не случайной шутки, а плодом глубокой и длительной идейной работы, тесной идейной связи автора с русским революционным движением.

В литературе, появившейся накануне пушкинских дней, нередко можно встретить подчёркивание умеренности политических лозунгов «Вольности». Такое толкование произведения Пушкина — пример внеисторического, в корне ложного подхода к поэту с меркой «революционера вообще». Неточно и потому неправильно применять к Пушкину партийную терминологию французской рево-

люции — трактовать политические взгляды «Вольности» как жирондизм. В эпоху «Союза спасения» даже Пестель, столь левый в дальнейшем декабрист, некоторое время стоял на позициях конституционной монархии. Надо только удивляться, с какой силой политического обобщения, с какой политической ясностью и точностью отразил Пушкин — восемнадцатилетний поэт, только что сошедший с лицейской скамьи, — самые передовые лозунги этого периода развития дворянской революционности. С огромной политической смелостью и бесстрашием воспевал Пушкин «Закон», стоящий выше монархов. Ни на одну минуту нельзя забывать, что это делалось в мрачной, абсолютистско-феодалной России, России крепостного права и кнута Аракчеева, в России Священного союза, душившего всё революционное в Европе:

Лишь там над царскою главою
Народов не легло страданье,
Где крепко с вольностью святой
Законов мощных сочетанье...

Характеристика страны, угнетаемой деспотизмом, страны Аракчеева и политического застенка, дана Пушкиным в «Вольности» с потрясающей силой:

Увы! куда ни брошу взор —
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы;
Везде неправедная власть
В сгущённой мгле предрассуждений
Воссела — рабства грозный гений
И славы роковая страсть.

Надо воспринять эти строки и как характеристику политической обстановки, в которой создавалась ода «Вольность», чтобы оценить как смелость Пушкина, так и глубоко прогрессивное значение политических лозунгов его произведения.

Боязнь «ужасных происшествий» французской революции, «плебейской расправы» (или «ужасов народной революции») — характерная черта движения декабристов. Она сказывается в оценке казни Людовика XVI и в характеристике гильотины как «преступной секиры». Осуждая подобную расправу, Пушкин, однако, признаёт одновременно её полную неизбежность для стран, где властвует тиранство, где закон «дремлет». Не восхищаясь гильотиной, он угрожает ею тиранам. В «Вольности» казнь Людовика XVI приведена лишь как пример того, чем грозит история «племенам», в которых нет ограничения власти законом. Правительственный шпион Грибовский, проникший позже в «Союз благоденствия», доносил о Николае Тургеневе, что он «нимало не скрывает от своих правил» и постоянно «грезит гильотиною». Пушкин в «Вольности» тоже «грезит гильотиною», неизбежность которой для него ясна.

В оде «Вольность» Пушкин высказывает отрицательное отно-

шение к дворцовому перевороту, к убийству Павла I. Этот момент ещё раз доказывает идейную близость Пушкина к декабристам и отнюдь не может являться доводом в пользу «умеренности» политических позиций Пушкина. Предположение, что чем «левее» декабрист, тем положительнее должен-де он относиться к убийству Павла I, основано на незнании идеологии декабристов. Декабристы глубоко задумывались над перспективой дворцового переворота и сознательно отвергли этот путь как неправильный и омерзительный. Они решили открыто выступить перед лицом всего народа, на столичной площади. Чтобы оценить отказ декабристов от дворцового переворота, надо помнить, что этот путь для них мог быть вполне реальным: декабристы — не какой-нибудь захолустный кружок провинциальных юношей, в глаза не видевших ни столицы, ни царского дворца. Декабристы — военные, столичные люди, теснейшим образом связанные с гвардией, не раз державшие внутренние караулы в Зимнем дворце. Для примера возьмём суждение о дворцовом перевороте столь левого декабриста, как А. В. Поджио, члена Южного общества. Вот какую оценку даёт он в своих воспоминаниях убийству Павла I: «Пьяная, буйная толпа заговорщиков врывается к нему и отвратительно, без малейшей гражданской цели его таскает, душит, бьет... и убивает! Убийцы были награждены, за ними был легкий и жалкий успех! Нет, не они нам пример: то были действительно убийцы, убийцы прославленные; мы же... доскажу впоследствии; но я искал для себя образцов и не обрел их».

Эту черту декабристов тонко и точно подметил А. И. Герцен: «Серальный¹ переворот был для них противен», — писал он. В связи с этим отношение Пушкина к убийству Павла I, взятое в исторической обстановке, расценивается совершенно иначе:

Молчит неверный часовой,
Опущен молча мост подъемный,
Врата отверсты в тьме ночной
Рукой предательства наемной...
О стыд! о ужас наших дней!
Как звери, вторглись янычары!..
Падут бесславные удары —
Погиб увенчанный злодей.

Ведь Павел I не перестаёт быть для Пушкина «злодеем» из-за того, что он погиб под «бесславными ударами» вторгшихся, как звери, янычаров. Осуждая дворцовый переворот, Пушкин в то же время опять-таки признаёт его неизбежным для страны, где властвует тиранство, а не закон. Он угрожает подобной расправой тирану, питая к ней в то же время ужас и отвращение. Поэтому надо отказаться от привлечения этого текста «Вольности» для доказательства какой-то особой политической «умеренности» Пушкина: оно основано на простой неосведомлённости и привычке оперировать абстрактными, выхолощенными от исторического содержания понятиями. «Серальный переворот был для Пушкина противен» —

¹ «Серальный», т. е. «гаремный», от французского слова гарем.

так можно перефразировать слова Герцена в отношении к Пушкину, и эта мысль будет полностью верна.

Надо подчеркнуть, что трактовка убийства Павла I как позорного и омерзительного пути заговорщиков имела в момент написания оды «Вольность» особую политическую остроту, отмечена особой смелостью: ведь на престоле сидел участник убийства — Александр I. Понятно, что он никогда не мог забыть нанесённого Пушкиным оскорбления: ода «Вольность» была важной причиной ссылки Пушкина на юг.

Серьёзную ошибку в оценке оды «Вольность» совершает также Б. Томашевский, когда он в предпосланной однотомнику Пушкина его биографии пишет: «Политическая идеология «Вольности» свидетельствует о влиянии на Пушкина весьма умеренных либеральных идей, получивших временное господство в западной публицистике после восстановления Бурбонов. С точки зрения этой политической системы «законности» (легитимизма) французская революция была примером заблуждения и одичания нации; революционные эксцессы привели, естественно, к тиранической военной диктатуре Наполеона; только восстановление законной династии, на первых же шагах даровавшей французам конституцию («хартию»), обеспечивает порядок и процветание страны». Ошибки, содержащиеся в приведённой цитате, очевидны. После всего изложенного выше нет нужды доказывать, что Пушкин не имел ничего общего с черносотенной, контрреволюционной теорией легитимизма, провозгласившей «законность» династий, свергнутых революцией. Мракобесие Французской «*Chambre introuvable*» и пушкинская ода «Вольность», разумеется, не только не имеют между собой ничего «общего», а находятся на двух противоположных полюсах.

Замечательнейшей чертой пушкинской оды «Вольность» является её открытый и вдохновенный призыв к восстанию, о котором обычно забывают упоминать комментаторы, умаляющие её политическое значение:

Питомцы ветреной Судьбы,
Тираны мира! трепешите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!

Эти строки не нуждаются в комментарии: они предельно ясны. Ода «Вольность» во имя только что разобранных политических лозунгов призывала к восстанию и не видела в арачкевской России другого пути для завоевания своих политических идеалов. Замечательно, что и Пушкин и его друзья, близко знакомые с его вольнодумным творчеством, хорошо знали адрес, по которому была написана «Вольность». Она как бы адресовалась к народным массам. В недавно опубликованном материале записей Бартенева о Пушкине сохранился ранее неизвестный исследовательский отрывок воспоминаний М. Волконской о путешествии Раевского с Пушкиным по Кавказу. Старика Н. Н. Раевского, героя 1812 г., всюду «встречали с

большим почетом; в городах выходили к нему навстречу обыватели с хлебом-солью. При этом он, шутя, говаривал Пушкину: «Прочтите-ка им свою оду («Вольность»»). Что они в ней поймут?» Вообще он подразумевал, что Пушкин принадлежит к массонам, дразнил его и уверял, что из их намерений ничего не выйдет.

* * *

Ещё теснее связался Пушкин с декабристами на следующем этапе истории тайного общества. Связь эта стала уже не только идейной, но и организационной. «Союз благоденствия» был основан в 1818 г. и просуществовал до января 1821 года. В его составе было тайное литературное общество «Зелёная лампа», членом которого был Пушкин. Это была так называемая «побочная управа» «Союза благоденствия».

Чтобы правильно оценить направление деятельности этой «управы», напомним, что «Союз благоденствия» был противоправительственной организацией. Недаром в своих показаниях Пестель говорил: «Тайное наше общество было революционное с самого начала своего существования, и во все свое продолжение не переставало никогда быть таковым. Перемены, в нем происходившие, касались собственного его устройства и положительнейшего изъяснения его цели, которая всегда пребывала революционная». Осталась она таковой на этапе «Союза благоденствия», только приняла своеобразные формы. В этом отношении отличием «Союза благоденствия» от предшествовавших и последующих тайных организаций декабристов было только некоторое отдаление срока открытого выступления против царизма. «Союз благоденствия» прямой и непосредственной своей задачей считал подготовку общественного мнения к борьбе за конституцию, за политический переворот, свергающий монархию. Опору своей деятельности он рассчитывал найти в самых разнообразных общественных слоях.

Антиправительственные цели «Союза благоденствия» совершенно точно оценил шпион Грибовский, пробравшийся в Коренную думу союза. «Тайная цель главных руководителей — возыметь влияние на все отрасли правительства, чего частные лица отнюдь присваивать не могут», — пишет он в своём докладе.

Члены «Зелёной лампы», как и члены «Союза благоденствия», должны были давать клятву в сохранении тайны; давал эту клятву и Пушкин. Достаточно познакомиться с политической стороной деятельности «Зелёной лампы», чтобы понять, почему подобная клятва была необходима. Политические разговоры и доклады в «Зелёной лампе» были чрезвычайно серьёзны. Об этом выразительно говорят случайно уцелевшие остатки архива «Зелёной лампы», дошедшие до нас. В архиве этом сохранён, например, текст политической утопии «Сон», написанной, по предположению Б. Л. Модзалевского, членом «Зелёной лампы» А. Д. Улыбышевым. Особенно ценно в этом замечательном документе утверждение

общности политических установок «Сна» для всех членов «Зелёной лампы». Исходя из этого, мы можем предположить, что и Пушкин сочувственно относился к идеям «Сна». Автор его рассказывает о том, какой сон видел он в прошлую ночь; этот сон «настолько согласуется с желаниями и мечтами моих сотоварищей по «Зелёной лампе», что я не могу не поделиться им с ними». Утопия автора была, очевидно, прочтена на заседании «Зелёной лампы», и вполне вероятно, что в числе слушателей её был и завсегдатай «Зелёной лампы» — Пушкин.

Автор видит себя во сне в Петербурге. Но он не узнаёт знакомого города: «На каждом шагу новые общественные здания привлекают мои взоры, а старые, казалось, были использованы в целях, до странности непохожих на их первоначальное значение. На фасаде Михайловского замка я прочел большими золотыми буквами: «Дворец государственного собрания». Общественные школы, академии, библиотеки всех видов занимали место бесчисленных казарм, которыми был переполнен город. Аничков дворец стал «Русским Пантеоном», но среди заполнявших его статуй и бюстов великих людей, прославившихся своими талантами и заслугами перед отечеством, автор не увидел бюста Александра I: его тут не было. На Невском проспекте вместо монастыря автор видит триумфальную арку, «как бы воздвигнутую на развалинах фанатизма». Звуки неслыханно прекрасной музыки льются из здания, превосходящего по своей красоте все памятники римского величия. Открываются бронзовые двери необычайной величины — автор входит в здание вместе с толпою. Это — храм, в нём идёт богослужение единому и всемогущему божеству, но служение ему решительно ничем не напоминает христианский культ. Автор потрясён всем виденным. Он решаетеся прикинуться «иностранцем», чтобы, не смущаясь, расспросить о смысле всего происходящего. Он приближается к старцу, только что перед тем обращавшемуся к толпе со ступеней алтаря, и спрашивает его: «Сударь, извините любопытство иностранца, который, не зная, должно ли верить глазам своим, осмеливается спросить у вас объяснения стольким чудесам. Разве ваши сограждане не принадлежат к греко-кафолическому вероисповеданию? Но величественное собрание, которого я только что был свидетелем, равно непохоже на обедню греческую и латинскую и даже не носит следов христианства».

«Откуда же вы явились? — ответил мне старец. — Или изучение истории до того поглотило вас, что прошедшее для вас воскресло, а настоящее исчезло из ваших глаз? Вот уже около трех веков, как среди нас установлена истинная религия, т. е. культ единого и всемогущего бога, основанный на догме бессмертия души, страдания и наград после смерти и очищенный от всяких связей с человеческими суевериями. Мы не обращаем наших молитв ни к пшеничному хлебу, ни к омеле с дуба, ни к святому миру, но к тому, кого величайший поэт одной нации, давней нашей учи-

тельницы, определил одним стихом: «Вечность имя ему, и его создание — мир». Среди простого народа еще существуют старухи и ханжи, которые жалеют о прежних обрядах. Ничего не может быть прекраснее, говорят они, как видеть архиерейскую службу и дюжину священников и дьяконов, обращенных в лакеев, которые заняты его облачением, колена преклоняются и поминутно целуют его руку, пока он сидит, а все верующие стоят. Скажите, разве это не было настоящим идолопоклонством, менее пышным, чем у греков, но более нелепым, потому что священнослужители отождествлялись с идолом? Ныне у нас нет священников и тем менее — монахов. Всякий верховный чиновник по очереди несёт обязанности, которые я исполнял сегодня. Выйдя из храма, я займусь правосудием. Тот, кто стоит на страже порядка земного, не есть ли достойнейший представитель бога, источника порядка во вселенной? Ничего нет проще нашего культа».

Всё говорит о том, что революция, о которой мечтает «Зелёная лампа», уже совершилась в России. Путь, которым пришло государство к этому сказочному Петербургу, — далеко не мирный путь. «Великие события, разбив наши оковы, вознесли нас на первое место среди народов Европы и оживили гакже почти угасшую искру нашего народного гения», — говорит дальше старец автору «Сна». «Леса, поддерживавшие деспотизм, рухнули вместе с ним», — говорит он в другом месте. В России уже нет постоянного войска, уничтожен и старый герб империи — двуглавый орёл. «В это время мы находились посреди дворцовой площади. Старый флаг вился над черными от ветхости стенами дворца, но вместо двуглавого орла с молниями в когтях я увидел феникса, парящего в облаках и держащего в клюве венец из оливковых ветвей и бессмертника». Струблены две головы орла, «которые обозначали деспотизм и суеверие», — поясняет старец своему спутнику. Он приглашает его войти в «Святыище правосудия» — прекрасное здание на том берегу Невы. Святыище это «открыто для каждого гражданина, и во всякий час он может требовать защиты законов». Тут заседает верховный трибунал, членом которого является сопровождающий автора старец. Автор хочет перейти мост, но внезапно... просыпается. Он просыпается от воплей пьяного мужика, которого тащат в участок под звуки рожка и барабана. «Я подумал, что исполнение моего сна еще далеко», — горько замечает автор, заканчивая свой рассказ.

В настоящей лекции нет возможности остановиться на политических источниках этой замечательной утопии. Приведённого более чем достаточно для того, чтобы политическая сторона деятельности «Зелёной лампы» была засвидетельствована с полной категоричностью. Незаконченное послание Пушкина к «Зелёной лампе» говорит со всей ясностью о политической стороне деятельности этого тайного общества:

Горишь ли ты, лампада наша,
Подруга бдений и пиров?

Кипишь ли ты, золотая чаша,
В руках веселых остряков?..

Вот он, уют гостеприимный,
Уют любви и вольных муз,
Где с ними клятвою взаимной
Скрепили вечный им союз.
Где дружбы знали мы блаженство,
Где в колпаке за круглый стол
Садилось милое равенство...

Пушкин говорит тут и о клятве, даваемой при вступлении в общество, и о символе французской революции — красном фригийском колпаке, и о «миллом равенстве». Всё это перекликается с политическими установками утопического «Сна».

В начале 1819 г. Пушкин был привлечён и к другому делу, идеологически связанному с «Союзом благоденствия», — к заседаниям по вопросу об издании политического журнала. Замысел этот принадлежал Николаю Тургеневу, у него же на квартире и собирались лица, которых предполагалось привлечь к участию в журнале. Тут были и лицейский преподаватель Пушкина, Куницын, и лицейские товарищи Пушкина — И. И. Пущин и Д. П. Маслов. Во время чтения статьи Маслова о статистике Пущин почувствовал, что кто-то сзади взял его за плечо. Он обернулся: это был Пушкин. «Ты что здесь делаешь? Наконец, поймал тебя на самом деле», — шепнул ему Пушкин на ухо, он был убеждён, что у Н. Тургенева собралось заседание того самого тайного общества, о существовании которого он давно догадывался. «Верно это ваше общество в сборе?» — спросил его Пушкин, когда чтение кончилось. Ясно, что прежние уверения Пущина о том, что тайного общества не существует, не убедили его друга: он остался при своём мнении. Повидимому, и на этот раз Пушкин не поверил объяснениям И. И. Пущина.

Уже на этих ранних ступенях деятельности тайного общества (1817—1819) Пушкин был и поэтическим выразителем его идеологии и одновременно влиял на оформление этой идеологии своими стихами. Такие стихи, как «К Чаадаеву», «Noël», «Деревня», также были насыщены декабристскими лозунгами. «Деревня» агитировала против крепостного права:

Но мысль ужасная здесь душу омрачает:
Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде невежества губительный позор.
Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.
Склоняясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого владельца.
Здесь тягостный ярем до гроба все влекут;

Надежд и склонностей в душе питать не смея,
 Здесь девы юные цветут
 Для прихоти бесчувственной злодея;
 Опора милая стареющих отцов,
 Младые сыновья, товарищи трудов,
 Из хижины родной идут собой умножить
 Дворовые толпы измученных рабов.
 О, если б голос мой умел сердца тревожить!
 Почто в груди моей горит бесплодный жар
 И не дан мне в удел витийства грозный дар?
 Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный
 И рабство, падшее по манию царя,
 И над отечеством свободы просвещенной
 Взойдет ли наконец прекрасная заря?

Никак нельзя считать это стихотворение протестом лишь против «злоупотребления» крепостного права. С большой отчётливостью в нём говорится о том, что «дикое барство» присвоило себе «и труд, и собственность, и время земледельца»: формула крепостного права дана здесь чуть ли не во всей своей теоретической, научной полноте.

В стихотворении «Noël» в форме шутиливой рождественской песенки остро высмеиваются конституционные обещания Александра I. Пушкин не верил в то, что Россия получит конституцию по воле царя. Ранее сформулированный в «Вольности» путь для её получения — «Восстаньте, падшие рабы!» — оставался в силе: надеяться на царя не было никаких оснований:

Ура! в Россию скачет
 Кочующий деспот.
 Спаситель горько плачет,
 А с ним и весь народ.
 Мария в хлопотах спасителя страшает:
 «Не плачь, дитя, не плачь, сударь:
 Вот бука, бука — русский царь!»
 Царь входит и вещает:
 «Узнай, народ российский,
 Что знает целый мир:
 И прусский, и австрийский
 Я шил себе мундир.
 О, радуйся, народ: я сыт, здоров и тучен;
 Меня газетчик прославлял;
 Я ел, и пил, и обещал —
 И делом не измучен.
 Узнай еще, в прибавку,
 Что сделаю потом:
 Лаврову дам отставку,
 А Соца — в желтый дом;
 Закон постановлю на место вам Горголи
 И людям все права людей,
 По царской милости моей,
 Отдам из доброй воли».
 От радости в постеле
 Запрыгало дитя:
 «Неужто в самом деле?
 Неужто не шутя?»
 А мать ему: «Бай-бай! закрой свои ты глазки;»

Пора уснуть бы, наконец,
Послушавши, как царь-отец
Рассказывает сказки!»

Вольнолюбивые стихи и послужили причиной ссылки Пушкина. Свою роль сыграла тут и эпиграмма на Аракчеева, недавно разысканная М. А. Цявловским. Эпиграмма была сочинена в связи с жестокой расправой Аракчеева с восстанием Чугуевских военных поселений:

В столице он капрал, в Чугуеве — Нерон,
Кинжала Зандова везде достоин он.

Первоначально правительство предполагало даже сослать Пушкина в Соловки, но заступничество Карамзина и других влиятельных людей спасло Пушкина от Соловков. Он был сослан на юг, в Кишинёв.

Причина ссылки была ясно сформулирована самим Александром I в разговоре с директором лицея Энгельгардтом. Пушкин в своих «Записках о Пушкине» так передаёт слова царя директору: «Энгельгардт,— сказал ему государь,— Пушкина надобно сослать в Сибирь: он наводнил Россию возмутительными стихами; вся молодёжь наизусть их читает». О том же свидетельствует декабрист И. Д. Якушкин (его свидетельство относится к ноябрю 1820 г.). Напечатанные вольнолюбивые стихотворения Пушкина «были не только всем известны, но в то время не было сколько-нибудь грамотного прапорщика в армии, который не знал бы их наизусть».

Повидимому, причастность Пушкина к «Союзу благоденствия» «не исчерпывается участием его в «побочной управе» союза — в «Зелёной лампе». Вероятно предположение, что Пушкин был участником заседаний и самого «Союза благоденствия». Об этом с большой отчётливостью говорит он сам в дошедших до нас отрывках X главы «Евгения Онегина». В описании схода «Союза благоденствия» Пушкин включает себя самого в круг членов последнего:

Витийством резким знамениты,
Сбирались члены сей семьи
У беспокойного Никиты,
У осторожного Ильи.

.....
Друг Марса, Вакха и Венеры,
Тут Луний дерзко предлагал
Свои решительные меры
И вдохновенно бормотал,
Читал свои ноэли Пушкин¹,
Меланхолический Якушкин,
Казалось, молча обнажал
Царевбийственный кинжал.
Одну Россию в мире видя,
Преследуя свой идеал,

¹ Разрядка моя. — М. Н.

Хромой Тургенев им внимал,
И, плети рабства ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.

Пушкин здесь тесно связывает себя с коллективом «Союза благоденствия» и делает себя свидетелем важных моментов в жизни тайного общества.

Ссылая Пушкина на юг в 1820 г., правительство Александра I и не предполагало, что бросает поэта в кипящий революционный котёл — самый бурный, какой только существовал тогда в России. Пушкин оказался в тех местах, где возникло и образовалось Южное общество декабристов, где действовал крупный идеолог декабристов и активнейший их организатор — П. И. Пестель.

Пушкин выехал в Екатеринослав в мае 1820 года. Последний год, проведённый в Петербурге перед ссылкой, а особенно год самой ссылки — 1820, — были годами больших событий в революционном движении как России, так и Западной Европы. Это было время неаполитанской революции, восстания в Пьемонте, военной революции в Португалии, военных заговоров во Франции, греческого восстания, испанской революции.

В России вспыхнула Чугуевское восстание военных поселений (1819), несколько лет длилось напряжённое донское движение, охватившее герриторию немногим менее, чем во времена Разина. В 1820 г. в самой столице — царском Петербурге — возникли невиданные ранее волнения в гвардии — восстание Семёновского полка. Положение становилось всё напряжённое.

Надо отметить и особо близкое знакомство декабристов с обстоятельствами греческого восстания. Пестель, например, был послан в 1821 г. генералом Киселёвым в Кишинёв специально для собирания данных об этом восстании и для выполнения серьёзных дипломатических поручений, с ним связанных. Именно в один из этих приездов Пушкин и виделся в Кишинёве с Пестелем. Пушкин в Кишинёве оказался в самой гуще событий, связанных с греческим восстанием, познакомился с вождём восстания — Александром Ипсиланти, думал даже стать под его знамёна.

«Союз благоденствия», его программа и тактика перестали удовлетворять членов тайного общества в годы возникающей революционной ситуации. «Союз благоденствия, казалось нам, дремал. По собственному своему образованию он был слишком ограничен в своих действиях», — пишет И. Д. Якушкин.

Среди декабристов давно зрела мысль о новой, революционной тактике, разрабатывался план близкого выступления.

Декабристы с глубоким сочувствием относились к испанским революционным событиям. Это прекрасно передал Николай Тургенев в записи своего дневника от 24 марта 1829 г. «Вчера получили здесь известие, что король Гишпанский объявил конституцию кортесов. Слава тебе, славная армия гишпанская! Слава гишпан-

скому народу! Во второй раз Гишпания доказывает, что значит дух народный, что значит любовь к отечеству. Бывшие нынешние инсургенты... сколько можно судить по газетам, вели себя весьма благородно. Объявили народу, что они хотят конституции, без которой Гишпания не может быть благополучна, объявили, что может быть, предприятие их не удастся, они погибнут все жертвами за свою любовь к отечеству, но что память о сем предприятии, память о конституции, о свободе будет жить, останется в сердце гишпанского народа».

Размышления о правильности путей военной революции были поддержаны вспыхнувшим в октябре 1820 г. восстанием Семёновского полка. Декабристы не принимали в нём участия — выступила солдатская масса. С одной стороны, в этом восстании декабристы увидели столь пугавшее их самостоятельное массовое движение. С другой, — они восприняли восстание как доказательство готовности армии к открытому выступлению. Семёновское восстание как бы торопило их; они тяжело восприняли то, что солдатская масса обогнала их в своём выступлении. (Позже, готовя выступление, декабристы на юге опирались в своей агитации на семёновских солдат, сосланных в южные полки.)

Под воздействием всей этой окружавшей декабристов действительности они избрали новый путь революционных действий. Началась подготовка военного выступления. Это был резкий поворот в истории тайного общества. Будущие декабристы нашли именно ту тактику, на основе которой и было осуществлено восстание 14 декабря на Сенатской площади и восстание Черниговского полка. В тактике, на которой остановились декабристы, было немало черт дворянской ограниченности: революционеры-дворяне решили опереться не на массы народа, а непосредственно на войско, послушное слову командиров.

В этой атмосфере и был проведён в конце 1820 г. созыв представителей на Московский съезд «Союза благоденствия».

Гонцом на юг с оповещением о созыве съезда поехал И. Д. Якушкин. Побывав в Тульчине и Кишинёве, он отправился в имение Давыдовых — Каменку — обычное место сбора южных декабристов. Он был очень обрадован, когда в Каменке навстречу ему выбежал с распростёртыми объятиями Пушкин. Пушкин не раз гостил в Каменке и проводил там долгое время. Он находился там в атмосфере политических разговоров членов тайного общества — оформленных и неоформленных его участников и единомышленников. Здесь же, в Каменке, в этот приезд Якушкина Пушкин оказался участником одного инсценированного декабристами заседания по вопросу о том, нужно или не нужно в России тайное общество. Пушкин горячо доказывал его необходимость. Заседание имело особую, конспиративную цель: нужно было дезориентировать генерала Раевского, догадывавшегося о существовании тайного общества. Надо, однако, признать, что декабристы на этом инсценированном заседании накануне съезда «Союза благоден-

ствия» обсуждали важнейший для себя вопрос — центральный в повестке дня предстоящего съезда: быть или не быть тайному обществу в России.

Представив вначале всё дело так, что в России действительно существует тайное общество, Якушкин затем расхохотался и объявил Раевскому, что всё это было шуткой. «Другие также смеялись, кроме Александра Львовича Давыдова, рога носца величавого, который дремал, и Пушкина, который был очень взволнован; он перед этим уверился, что тайное общество или существует, или тут же получит свое начало, и он будет его членом, но когда увидел, что из этого вышла только шутка, он встал раскрасневшись и сказал со слезою на глазах: «Я никогда не был так несчастлив, как теперь: я уже видел жизнь мою, облагороженную и высокую цель перед собой, и все это было только злая шутка». В эту минуту он был точно прекрасен», — пишет Якушкин в своих «Записках».

Съезд «Союза благоденствия» состоялся в Москве в январе 1821 года. Формально решено было тайное общество ликвидировать. Весть об этом южные делегаты — полковники Бурцов и Комаров — повезли на юг. Южная управа «Союза благоденствия» с Пестелем во главе в большинстве своём решения съезда не признала и на развалинах «Союза благоденствия» организовала новое тайное общество — Южное общество декабристов; оно было организовано Пестелем в марте 1821 года. На первых же его заседаниях был принят ряд важных постановлений, действенных до конца декабристского движения: требование республиканского правления, царубийство и принятие тактики военной революции.

Свидание Пушкина с Пестелем прошло как раз в это бурное для тайного общества время, когда рождалась южная организация. Пестель был послан начальством в Кишинёв для собирания сведений о греческом восстании и для выполнения ряда связанных с этим ответственных поручений правительства. 9 апреля 1821 г. Пушкин виделся с Пестелем и записал в своём дневнике широко известные строки: «Утро провел я с Пестелем; умный человек во всём смысле этого слова. Mon coeuf est matérialiste, говорит он, mais ma raison s'y refuse. Мы с ним имели разговор метафизический, политический, нравственный и проч. Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю...»¹.

Как относился Пушкин к новым идеям в жизни тайного общества, к самой близости предполагаемого революционного переворота? Стихи этого периода дают ответ на этот вопрос.

В Кишинёве Пушкин оказался среди членов одной из самых ярких южных ячейек «Союза благоденствия». Тут он близко познакомился и подружился с главой кишинёвской ячейки — одним из

¹ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 5, кн. II, стр. 803—804. ГИХЛ. М.-Л. 1933 (из кишинёвского дневника). Перевод франц. текста: «Сердце мое материалистично, но разум не признает этого».

участников заговора декабристов, Михайлом Орловым, с «первым декабристом» Владимиром Раевским, с республиканцем Охотниковым, генералом Павлом Сергеевичем Пушциным (однофамильцем друга Пушкина) и другими. Всех этих лиц Пушкин перечислял позже в списке своих декабристских друзей и знакомых.

Вероятно, под непосредственным впечатлением разговоров с Пестелем Пушкиным написано одно из наиболее ярких его революционных стихотворений — послание к В. Л. Давыдову. Упоминание о великом поете и о лицемерном «говении» Пушкина даёт основание датировать это стихотворение началом апреля 1821 года. Важно в этом стихотворении и упоминание об Ипсиланти, «безруком князе»¹, и о греческом восстании, сведения о котором собирал Пестель:

...на берегах Дуная
Бунтует наш безрукий князь...

В этом стихотворении находятся знаменитые строки о революции в Неаполе и итальянских карбонариях. Оно пронизано убеждением, что и в России также произойдёт революция, — и Пушкин приветствует, как счастье, её «красавую чашу»:

Но я молюсь и воздыхаю,
Крещусь, не внемлю сатане..
А все невольно вспоминаю,
Давыдов, о твоём вине..
Вот эвхаристия другая,
Когда и ты, и милый брат,
Перед камином надевая
Демократический халат,
Спасенья чашу наполняли
Беспенной, мерзлой струей,
И за здоровье тех и той
До дна, до капли выпивали!
Но те в Неаполе шалят,
А та едва ли там воскреснет..
Народы тишины хотят,
И долго их ярем не треснет.
Ужель надежды луч исчез?
Но нет, мы счастьем насладимся,
Кровавой чашей причастимся —
И я скажу: «Христос воскрес».

Среди членов Южного общества было очень немного таких, которые принимали бы путь революции, как путь кровавой борьбы. Для большинства южан при всём их радикализме характерно убеждение, что, совершая революцию, можно избежать пролития крови. «Наша революция будет подобна революции испанской. Она не будет стоять ни одной капли крови, ибо произведётся одной армией без участия народа!» — восклицал пыл-

¹ Предводитель греческого восстания Александр Ипсиланти ранее служил в русской армии, участвовал в кампании 1813 г. и потерял правую руку в битве под Дрезденом.

кий Бестужев-Рюмин, один из главарей Васильковской управы Южного общества, на конспиративном собрании членов общества соединённых славян в 1825 году. У Пушкина, как видим, мысли были другие и более глубокие.

4 мая 1821 г. Пушкин был принят в кишинёвскую масонскую ложу «Овидий». Председателем ложи был член тайного общества и личный друг декабриста Михаила Орлова — генерал П. С. Пущин. Самый состав ложи нам до сих пор неизвестен. Но известно, что из числа членов тайного общества входил в ложу «Овидий» «первый декабрист» Владимир Раевский. Уже этих двух имён — Пущина и Раевского — достаточно для того, чтобы политический характер деятельности ложи оказался вне сомнения. «Уже одного имени В. Ф. Раевского достаточно, чтобы быть уверенным, что в ложе «Овидий» разговаривали не об одной благотворительности», — справедливо отмечает В. И. Семевский. Позже, предостерегая своих друзей от опасности, которая может им грозить в случае ходатайств за него перед правительством Николая I, Пушкин писал Жуковскому: «Я был масоном кишинёвской ложи, т. е. той, за которую уничтожены в России все ложи». Утверждение Пушкина ещё раз говорит о политическом характере ложи.

Стихи Пушкина, посвящённые главе масонской ложи в Кишинёве, генералу Пущину, ясно говорят о напряжённом ожидании революционных событий, а вместе с тем свидетельствуют и о политическом характере этой организации:

В дыму, в крови, сквозь тучи стрел
Теперь твоя дорога:
Но ты предвидишь свой удел,
Грядущий наш Квируга!

И скоро, скоро смолкнет брань
Средь рабского народа,
Ты молоток возьмешь во длань
И воззовешь: свобода!

Хвалю тебя, о верный брат!
О каменщик почтенный!
О Кишинев, о темный град!
Ликуй, им просвещенный!

Пушкин называет генерала Пущина «грядущий наш Квируга». Будущий переворот представляется ему в виде военной революции. Если в этом стихотворении Пушкин берёт пример Испании как образ будущей революции в России, то в стихотворении «В. Л. Давыдову» Пушкин прибегает к другому западноевропейскому примеру — революции в Неаполе. Разгром этой революции австрийской интервенцией внушает ему тревожные мысли о правильности выбранной тактики. Поражает широкая осведомлённость Пушкина об идеях и замыслах декабристов.

Образ Брута — республиканца и цареубийцы — воспет Пушкиным в «Кинжале» (1821 г.). Образ Брута — один из яр-

ких символов, облюбленных французской революцией. Перед картиной революционного художника Давида, изображающей Брута, и позже преклонялись новые поколения революционеров, пришедших на смену декабристам:

Шумит под Кесарем заветный Рубикон,
Державный Рим упал, главой поник закон;
Но Брут восстал вольнолюбивый:
Кинжал, ты кровь излил, и мертв объекает он
Помпея мрамор горделивый.

Отрицательное отношение к Марату и к террору французской революции, выраженное в «Кинжале», ещё раз подтверждает, что революционность Пушкина и на этом этапе смыкается с революционностью декабристов. Но ясно видно, что в этот период взгляды Пушкина идут дальше, влевеют, вместе с продвижением вперёд первых русских революционеров, с нарастанием революционной ситуации.

С большой ясностью говорит о радикальных пушкинских настроениях недавно найденный дневник князя П. И. Долгорукова. Он пишет о ссыльном Пушкине: «Вместо того, чтобы прийти в себя и восчувствовать, сколь мало правила, им принятые, терпимы могут быть в обществе, он всегда готов у наместника, на улице, на площади всякому на свете доказать, что тот подлец, кто не желает перемены правительства в России». Проповедь Пушкина против крепостного права и деспотизма помещиков вызывает тревожное замечание П. Долгорукова: «Не одобряю привычки трактовать о таких предметах на русском языке. Пушкин ругает правительство, помещиков, говорит остро, убедительно, а за стульями слушают и внимают соблазнительным мыслям и суждениям» — при крепостных слугах говорить на революционные темы опасно. 20 июля 1822 г. П. Долгоруков записывает в дневнике: «Наместник (Инзов) ездил сегодня на охоту с ружьем и собакою. В отсутствие его накрыт был стол для домашних, за которым я и обедал с Пушкиным. Сей последний, видя себя на просторе, начал с своего любимого текста о правительстве в России. Охота взяла переводчика Смирнова спорить с ним, и чем более он опровергал его, тем более Пушкин разгорался, бесился и выходил из терпения. Наконец, полетели ругательства на все сословия. Штатские чиновники — подлещи и воры, генералы — скоты большей частью, один класс земледельцев — почтенный. На дворян русских особенно нападал Пушкин. Их надобно всех перевесить, а если бы это было, то он с удовольствием затягивал бы петли». И долгоруковский дневник подтверждает нам, что ещё в 1822 г. военные революции Западной Европы казались Пушкину прототипом будущей революции в России. Причём декабристский лейтмотив — сознание того, что революционное движение возникает на основе подъёма народного движения, — отчётливо сознаётся Пушкиным. Пестель считает главной характерной чертой «нынешнего века» борьбу «между массами народными и аристокрациями

всякого рода, как на богатстве, так и на правах наследственных основанными». Слова Пушкина о западноевропейских революциях так записаны Долгоруковым: «Прежде народы восставали один против другого, теперь король неаполитанский воюет с народом, прусский воюет с народом, гишпанский — тоже; нетрудно расчесть, чья сторона возьмет верх».

При таком политическом настроении понятно, что Пушкин не препятствовал распространению своих политических стихов. «Кинжал» стал быстро известен южным декабристам. Нет точных сведений, каким именно образом перекочевало это стихотворение из Кишинёва в Тульчин или Васильков. Но, как увидим ниже, оно оказывается в руках декабриста Бестужева-Рюмина и служит сильным агитационным средством за убийство Александра I.

В феврале 1822 г. произошёл арест Владимира Раевского — «первого декабриста». Известно, что Пушкин подслушал в доме Инзова разговор о предполагаемом аресте и успел предупредить В. Раевского. Арест этот потряс Южное общество. Раевский не выдал никого. О связи его с декабристами узнали лишь в 1825—1826 гг., во время следствия над декабристами после восстания 14 декабря и восстания Черниговского полка. Но кишинёвская ячейка тайного общества уже не смогла оправиться от этого удара. Как видим, в этот момент Пушкин сыграл огромную роль в истории тайного общества.

* * *

Летом 1823 г. Пушкин переезжает из Кишинёва в Одессу, а 30 июля 1824 г. уезжает с юга в новую ссылку — в Михайловское. Письмо Пушкина к Вяземскому «об уроках чистого афеизма», явившееся поводом к новой ссылке поэта, представляет большой интерес. На юге написана «Гавриилиада», на юге же брались Пушкиным «уроки чистого афеизма». Но неправильно думать, что атеизм Пушкина «подражательный», заимствованный у южных декабристов. Пестель не был атеистом: он был делом вольтерьянского типа. Во всём Южном обществе только один атеист — князь А. П. Барятинский — друг Пестеля. Уже в вопросах религии, как видим, Пушкин ушёл влево по сравнению с основной массой южных декабристов. «...Беру уроки чистого афеизма. Здесь англичанин — глухой философ, единственный умный Афей, которого я еще встретил...», — писал Пушкин П. А. Вяземскому.

Уже отмечено было выше, что сомнения в правильности избранного пути — военной революции зародились у Пушкина ещё в 1821 году. Они были связаны с разгромом неаполитанской революции австрийской интервенцией. Но испанская революция в то время ещё торжествовала — это ещё позволяло верить в правильность пути военного восстания. Однако вскоре положение существенно изменилось: летом 1823 г. войска французской интер-

венции вступили в Мадрид — и испанская революция была разгромлена. Была восстановлена абсолютная власть короля, начался разгул белого террора. 17 августа 1823 г. Риго вновь пытался поднять восстание, выступив в Малаге в казармах генерала Зайя. Его призыв не нашёл поддержки. Риго продержался около месяца в горах Сиерра-Морена, ведя партизанскую борьбу. Но в конце концов он был выдан французским властям. Фанатические настроенные крестьяне, среди которых католическое духовенство вело контрреволюционную агитацию, бросали камни в арестованного Риго, когда его везли в Мадрид. Декабристы и Пушкин подробно были осведомлены о всех событиях из французских газет. «Народы» не поддержали революции, «народы хотели тишины». Почему? Этот вопрос и для Пушкина и для декабристов далеко не был только теоретическим. 26 октября (7 ноября) Риго был казнён в Мадриде. Правильность тактики военной революции, революции «на подобие испанской», была поставлена под сомнение.

24 ноября 1823 г. декабристы собрались в Каменке, в частности для обсуждения вопроса об испанской революции. «На означенных совещаниях в Каменке было действительно говорено об Испании», — показывает Сергей Муравьев-Апостол. Он же говорит, что собрание обсуждало, что же нужно делать, чтобы «не следовать дурному примеру Испании и оградить себя от возможностей неудачи». Во весь рост стал перед декабристами вопрос об участии в движении народных масс, без активности которых оказывается непрочным результат революции. Военная же революция исключала непосредственное, инициативное участие масс в перевороте. Печальный исход военной революции в Испании был в конечном счёте решён отсутствием поддержки народных масс.

Новой тактики декабристы не выработали. Но глубочайшее раздумье над значением массового движения и сомнение в правильности выбранной тактики занимали членов Южного общества. Перед некоторыми из них роль народа в революционном движении начинает вырисовываться много яснее, чем раньше.

В эти тревожные годы, когда было подавлено революционное движение в Европе (неаполитанская, пьемонтская, испанская революции, португальское восстание; тяжёлые удары пали на революционную Грецию), когда революционная ситуация явно шла на убыль, глубоко и напряжённо работала мысль передовых людей. В России в те годы создавалась, но не создалась революционная ситуация — и в этом была глубокая подоснова неудачи декабристов. Лучших людей того времени, в первую очередь Пушкина, глубоко тревожил спад революционной волны, недостаточность революционности в массах населения («Свободы сеятель пустынный»). Эта тревога была высоким чувством патриота, гражданина своей родины.

Мы не знаем, был ли Пушкин непосредственно связан с декабристами в ноябре 1823 г. и дошли ли до него какие-нибудь отголоски заседания в Каменке в ноябре 1823 г., на котором обсуждались испанские события. Но его тревожили те же мысли — о правильности избранного военно-революционного пути. Глубоким разочарованием в тактике военной революции и глубоким раздумьем над значением массового движения для революции отмечен для Пушкина 1823 год.

Пушкин приехал в Михайловское 9 августа 1824 года. В Михайловском написан «Борис Годунов». Это памятник глубокого раздумья Пушкина над вопросом о роли народа в истории и над темой массового народного движения. Именно в уста своего предка — Пушкина — и вложил поэт слова, противопоставляющие силу войска силе народного мнения:

Но знаешь ли, чем сильны мы, Басманов?
Не войском, нет, не польскою помощью,
А мнением — да! мнением народным.
Дмитрия ты помнишь торжество
И мирные его завоеванья,
Когда везде без выстрела ему
Послушные сдавались города,
А воевод упрямых чернь вязала?

Когда некоторые исследователи пытаются утверждать, что у Пушкина с начала 20-х годов начинается-де «разочарование в достижимости декабристских идеалов», они должны были бы учесть, что сами декабристы начинают в это время задумываться над новыми вопросами, проверяют себя и движутся дальше.

Пристальное внимание Пушкина к массовому движению и к положению народа будет всё более проявляться в дальнейших темах его творчества: в «Истории села Горюхина», в «Дубровском», «Кирджали», «Капитанской дочке», «Сценах из рыцарских времён», «Истории Пугачёва», волею Николая I превратившейся в «историю пугачевского бунта» (с высочайшей «мотивировкой», что разбойник-де «не может иметь истории»).

В Михайловском Пушкина посетила неожиданная радость: 11 января 1825 г. к нему приехал И. И. Пущин.

Пущина предупреждали об опасности посещения ссыльного поэта, но это не остановило его. К утру следующего дня он уже приближался к желаемой цели — к Михайловскому. Ему всё казалось, что «лошади мчались не довольно скоро. Спускаясь с горы, лошади во весь опор пронеслись среди сугробов... крутой поворот, и как будто неожиданно вломились смаху в притворенные ворота при громе колокольчика. Не было силы остановить лошадей у крыльца, протащили мимо и застряли в снегу нерасчищенного двора... Я оглядываюсь: вижу на крыльце Пушкина, босиком, в одной рубашке, с поднятыми вверх руками. Не нужно говорить, что тогда во мне происходило. Выскакиваю из саней, беру его в охапку и тащу в комнату. На дворе страшный холод, но в иные

минуты человек не простужается. Смотрим друг на друга, целуемся, молчим. Он забыл, что надобно прикрыть наготу, я не думал об заиндевелой шубе и шапке. Было около восьми часов утра.

Мой первый друг, мой друг бесценный,
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.—

писал позже Пушкин в своём послании к Пушкину, сосланному в Сибирь.

Пушин пробыл у Пушкина до трёх часов ночи. Свидание друзей было нарушено вторжением местного монаха, под надзором которого находился ссыльный Пушкин. Пушкин, заметив через окно приход соглядатая, схватил Четьи-Минеи, сделав вид, что погружён в душеспасительное чтение. Правительственному шпиону, конечно, необходимо было узнать немедленно, что за знакомый приехал к поднадзорному Пушкину. Как узнал монах о приезде Пушина? Очевидно, у него была своя агентура среди михайловской дворни: ему уже успели сообщить о приезде неожиданного гостя.

Свидание Пушкина с Пушиным в январе 1825 г. — очень важный момент в истории взаимоотношений Пушкина и декабристов. Пушин наконец *сообщил Пушкину о существовании тайного общества*, что прежде от него скрывал. Он не видел Пушкина в течение пяти лет: с января 1820 г. до 11 января 1825 года. За эти пять лет, как мы знаем, Пушкин ещё ближе, чем в 1817—1820 гг., подошёл к жизни тайного общества. Молниеносная быстрота, с какой Пушкин сумел связать сообщение Пушина, члена Северного общества, с деятельностью южных декабристов, просто поразительна. «Незаметно коснулись опять подозрений насчет Общества. Когда я ему сказал, что не я один поступил в это новое служение отечеству, он вскочил со стула и вскрикнул: «Верно все это в связи с майором Раевским, которого пятый год держат в Тираспольской крепости и ничего не могут выпытать».

Пушкин сумел, таким образом, в один миг объединить два явления, связь которых стала всем ясна только через год — во время следствия над декабристами. Только значительной осведомлённостью Пушкина и его идейной близостью с тайным обществом можно объяснить эту молниеносную догадливость.

Но было бы недостаточно констатировать только то, что Пушкин знал о существовании тайного общества. Этого мало. Собственное свидетельство Пушкина с полной непреложностью показывает, что он знал и о «заговоре» против правительства, т.-е. о планах открытого выступления. Пушкин сам пишет об этом Жуковскому в январе 1826 г: «Мудрено мне требовать твоего заступления перед государем; не хочу охмелить тебя в этом пиру... Вероятно, правительство удостоверилось,

что я к заговору не принадлежу и с возмутителями 14 декабря связей политических не имел — но оно в журналах объявило опалу и тем, которые, имея какие-нибудь сведения о заговоре, не объявили о том полиции. Но кто же кроме правительства не знал о нем? О заговоре кричали по всем переулкам...»

Когда именно и как узнал Пушкин о «заговоре», мы не знаем. Но не исключена возможность, что он мог узнать об этом и от Пущина в их январское свидание 1825 г. и от южных декабристов.

Уехав от Пушкина, Пущин не раз писал ему в Михайловское. Известны его письма к поэту от 18 февраля, от 12 марта и 2 апреля 1825 года. Предположение, что Пущин написал другу письмо перед своим отъездом в Петербург (или из самого Петербурга) накануне восстания, вполне правдоподобно. Сведения о таком письме имеются в «Записках декабриста Н. И. Лорера». Лорер сообщает, что Пушкин хотел выехать из Михайловского в Москву по вызову Пущина.

Предположение о выезде Пушкина в Петербург по вызову Пущина накануне декабрьских событий вполне соответствует сопутствующим фактам. Самая же попытка выезда из Михайловского в Петербург накануне восстания многократно засвидетельствована самим Пушкиным.

* * *

Имя Пушкина было произнесено на следствии по делу декабристов в первые же дни после восстания 14 декабря. В ночь на 15 декабря в Зимний дворец явился Александр Бестужев (Марлинский), строевой начальник восстания, один из первых, приведших на Сенатскую площадь восставшие войска. В числе источников своего вольномыслия А. Бестужеву пришлось упомянуть и о стихах Пушкина; указал он и то обстоятельство, что брат поэта Лев Сергеевич Пушкин принял участие в восстании 14 декабря с оружием в руках. Дальнейшее следствие выявило яркую картину агитационного значения стихов Пушкина в восстании декабристов. Стихи Пушкина были своеобразным пробным камнем для испытания политических настроений принимаемого в общество новичка. Являясь источником вольнодумных настроений, они воспитывали революционный протест и как бы готовили новичка для вступления в революционную организацию. Стихи Пушкина разбрасывались в лагерях в качестве своеобразных прокламаций. Следственный комитет спрашивал прапорщика Шимкова (члена «Общества соединённых славян»), откуда он достал вольнодумные стихи под № 1, 2 и две песни под № № 3 и 4, наполненные «мерзостными ругательствами». «Стихи, — отвечал Шимков, — найдены мною в местечке Белой Церкви 1824 года в августе месяце во время сбора 9-й пехотной и 3-й гусарской дивизии для маневров у моей квартиры, вечером на испачканной уже бумаге и которой часть была отор-

вана. Стихи сии», — продолжает Шимков, — он «долго держал, не показывая никому, наконец, бывши в жолнерной команде при корпусной квартире, я прочел их поручику Громницкому... На первом и втором номере было написано П. ш. н., сие я почел за Пушкин, 3-й и 4-й номера были без всякой подписи, все они были на полулисте написаны, которого часть была оторвана. Впоследствии времени я списал их собственною моею рукой по причине той, что найденные мной были ветхи и испачканы, которые я тогда же сжег».

Следствие открыло, что стихотворение Пушкина «Кинжал» Бестужев-Рюмин читал членам «Общества соединённых славян», агитируя за царевубийство. Бестужеву удалось склонить к этому «славян» и составить список согласившихся на убийство Александра I. Сообщая об этом чтении следствию, поручик Громницкий написал в своих показаниях на память пушкинский «Кинжал».

Во время следствия над декабристами Николай I отдал свой печально-знаменитый приказ: «Из дел вынуть и сжечь все возмутительные стихи». В день исполнения этого приказа погибло в огне огромное количество копий пушкинских стихотворений, а может быть, и некоторые пушкинские подлинники. Но «Кинжал», написанный в следственном деле на память декабристом Громницким, не удалось «вынуть и сжечь»: он расположился на двух смежных страницах следственных показаний, заполненных и на оборотах и частично внутри записью допроса, — таким образом, уничтожение пушкинского «Кинжала» повлекло бы за собой уничтожение важных показаний. Поэтому военный министр Татищев, выполняя царскую волю, не нашёл иного выхода, как вооружиться гусиным пером и тщательно зачернить крамольные пушкинские строки... «Работу» свою он сопроводил выразительной скрепой: «С высочайшего соизволения помарал военный министр А. Татищев».

Пушкин уверял Жуковского летом 1825 г. в своём письме к нему, что «Кинжал» «не противу правительства писан». Не входя в обсуждение искренности этого утверждения, ему можно теперь на основе документов следственного дела противопоставить другое: фактически «Кинжал» агитировал именно за убийство Александра I, — его объективное революционное значение вне сомнений.

Вольнодумные стихи Пушкина служили высоким образцом для противоправительственного творчества многих безвестных ныне армейских поэтов, чьи стихи в то время ходили по рукам, играли агитационную роль. Под видом «переводов с французского» писал на царевубийственные темы, например, штаб-ротмистр гусарского полка Паскевич. Вот прозаический перевод французского текста, по которому можно было судить о самой тематике произведений, вдохновлённых Пушкиным:

Нет преступления в уничтожении тирана.

Убийство законно для освобождения от него!

Если я могу выполнить это благородное намерение,

То, что значит для меня, в конце концов, имя убийцы?

И другой отрывок:

Подозрение — может ли оно повредить нам?
В самой смерти нет для нас ничего ужасного,
И если мы погибнем под обломками трона,
Мы все же вновь оживем для бессмертия,
И потомство, охраняющее нашу славу,
Оплакав нас, сбережет нашу память.

3 января 1826 г., после подавления восстания Черниговского полка, восторженный поклонник Пушкина, один из руководителей восстания, декабрист Бестужев-Рюмин, был взят на поле восстания с оружием в руках. Арестованного декабриста конвоировал в Белую Церковь офицер Мариупольского полка Ракшанин. Они разговаривали в дороге о ...вольнодумных стихах Александра Пушкина. Об этом было доложено Николаю I в ходе следствия над декабристами. Николай I собственноручно отчеркнул это место доклада; о «благонадёжности» Ракшанина стали собирать сведения.

В связи со стихами Паскевича Бестужев-Рюмин показал следствию: «Вольнодумнических сочинений Пушкина и прочих столько по полкам, что это нас самих удивляло». Это показание датировано 5 апреля 1826 года. В непосредственной связи с ним стоит известное письмо Жуковского Пушкину от 12 апреля 1826 г.: «В бумагах каждого из действовавших находятся стихи твои. Это худой способ подружиться с правительством». Строки эти связаны с той новой вспышкой острого интереса к Пушкину, которая была вызвана в следственном комитете и у Николая I этим показанием Бестужева. Но Пушкин не был привлечён к следствию над декабристами, хотя к тому было более чем достаточно оснований. Николай I имел тут свои расчёты.

8 сентября 1826 г. Пушкин в сопровождении фельдъегеря был вызван в Москву Николаем I, который объявил «прощение» Пушкину и обещал ему тяжёлую «милость» — быть его цензором. Пушкин держал себя гордо во время царского допроса. На вопрос Николая I, оказался ли бы он с заговорщиками на площади 14 декабря, если бы был в Петербурге, Пушкин отвечал утвердительно. В руках Николая I, добавим, был своеобразный «вексель», который Пушкин должен был оплатить, — это непривлечение к делу брата Пушкина, Льва, принявшего участие в восстании 14 декабря.

* * *

Пушкин никогда не порывал с памятью декабристов Широко известно его послание к декабристам в Сибирь, полное глубокой веры в их дело:

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

В январе 1827 г. Пушкин передал своё стихотворение жене декабриста Никиты Муравьёва, ехавшей к мужу в Сибирь. Надо вспомнить обстановку (конец 1826 г. — начало 1827 г.), в которой этот поступок был совершён. В то время как раз начиналось дело о стихах Пушкина «Андре Шенье». Стихи были написаны до декабрьских событий 1825 года. Но цензурные купюры стихов были списаны и пошли по рукам, причём один из переписчиков озаглавил их «На 14 декабря» — настолько подходило это заглавие к содержанию тех стихов, которые не были пропущены цензурой. Над Пушкиным нависла новая гроза. И вот именно в это время Пушкин пишет и смело, пренебрегая грозной опасностью, передаёт Александре Григорьевне Муравьёвой своё «Послание в Сибирь», то есть самое настоящее, реальнейшее стихотворение на 14 декабря. Этим самым Пушкин ставил на карту всё своё «благополучие», свою свободу, свою будущность. Плохо пришлось бы ему, если бы это стихотворение попало в руки жандармов. К счастью, этого не случилось.

В том же 1827 г. Пушкиным написано стихотворение «Арион». В нём Пушкин осознаёт себя членом декабристского коллектива и подчёркивает, что после восстания он поёт прежние гимны:

Нас было много на челне;
Иные парус напрягали,
Другие дружно упирали
В глубь мощны веслы. В тишине
На руль склонясь, наш кормщик умный
В молчаньи правил грузный челн:
А я, беспечной веры полн,
Пловцам я пел... Вдруг лоно волн
Измял с налету вихорь шумный...
Погиб и кормщик и пловец! —
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою.
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

После разгрома декабристов революционное движение в России долгое время не могло оправиться от нанесённого ему удара. В стране отсутствовал революционный центр. В этой обстановке, лишённый связи с каким бы то ни было революционным коллективом (его и не было в то время), одинокий и подавленный разгромом революционного движения, Пушкин всё же вдохновляет своим творчеством русских передовых людей, как бы собирая их под знамёна будущей борьбы. Герцен проникновенно пишет об этом в своём произведении «О развитии революционных идей в России»: «Душой всех мыслящих людей овладела глубокая грусть. Одна лишь звонкая и широкая песнь Пушкина звучала в долинах рабства и мучений. Эта песнь продолжала эпоху прошлую, наполняла мужественными звуками настоящее и посылала свой голос отдалённому будущему. Поэзия Пушкина была залогом будущего и утешением».

Пушкин никогда не переходил на позиции защиты самодержавия и крепостного права.

В сибирских казематах, в кавказской ссылке — всюду, где находились члены разгромленного правительством тайного общества, трагическая весть о гибели Пушкина потрясла декабристов. Они восприняли её как «народное горе» (слова Пушина). «Если бы я был на месте К. Данзаса¹, то роковая пуля встретила бы мою грудь; я бы нашёл средство сохранить поэта-товарища, достоинство России», — писал первый друг Пушкина, декабрист Иван Пущин.

Конечно, чрезвычайно сложная тема о взаимоотношениях Пушкина и декабристов не может быть полностью освещена в одной лекции. Здесь освещены лишь некоторые важные вопросы, входящие в эту тему. Основное ясно: Пушкин был певцом декабристов, Пушкин идейно связан с тайным обществом на всех этапах его существования, связь эта крепка и органична. Ни Пушкина нельзя понять без декабристов, ни декабристов — без Пушкина.

Мы — советские люди ленинско-сталинской эпохи — горды тем, что великая культура русского народа была тесно и органично связана с историей его борьбы за своё освобождение. А. С. Пушкин был ярчайшим представителем этой передовой культуры.

¹ Секундант дуэли со стороны Пушкина.

Цена 60 коп.